В.В. Колесов

# Основы концептологии



ББК 81.-923
К 60

**Колесов В.В.**
Основы концептологии. — СПб.: Златоуст, 2019. — 776 с.

ISBN 978-5-86547-932-1

Р е ц е н з е н т ы:
доктор филологических наук, профессор Университета Чжэнчжи, Тайбэй (Тайвань) *Д.Г. Демидов*;
доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета *Т.С. Садова*

Зав. редакцией: к. ф. н. *А.В. Голубева*
Редактор: *О.С. Капполь*
Корректор: *Е.В. Артемьева*
Оригинал-макет: *Л.О. Пащук*
Обложка: *В.В. Листова*

В книге представлена авторская интерпретация актуальных вопросов современной когнитивистики — научного направления, изучающего логические и лингвистические единицы языка и мышления в их речевом единстве; описаны основные научные направления, а также понятия и термины, применяемые при изучении проблем национальной ментальности, семантики и теории текста. Даны практические задания для самостоятельных размышлений; книга содержит множество исторических справок, примечаний и лирических отступлений, помогающих читателю ориентироваться в сложных вопросах концептологии.

Рекомендуется студентам и аспирантам для первого знакомства с когнитивистикой, а также всем, кого волнуют судьбы коллективного сознания в его национальных формах.

© Колесов В.В. (текст), 2019
© ООО Центр «Златоуст» (редакционно-издательское оформление, издание, лицензионные права), 2019

# ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора ..... 3

**1. Основные понятия и определения**

§ 1. Понятие концептологии ..... 10
§ 2. Реальность концепта ..... 23
§ 3. Термины и определения ..... 29
§ 4. Тройственное проявление языка ..... 45
§ 5. Интуиция познания и внешний мир ..... 51
§ 6. Изменения в преобразованиях ..... 65
§ 7. Научные программы ..... 75
§ 8. Свобода выбора программы ..... 93
§ 9. Синергетика ..... 102
§ 10. Логос и рацио ..... 114
§ 11. Противопоставления ..... 122
§ 12. Смена оппозиций ..... 132
§ 13. Привативная оппозиция ..... 138
§ 14. Типы противопоставлений ..... 142
§ 15. Семантическая константа ..... 153
§ 16. Энергия причинности ..... 162
§ 17. Причина и причинность ..... 171
§ 18. Обсуждение термина ..... 182
§ 19. Причина и значимость ..... 192
§ 20. Формирование категории ..... 198
§ 21. Категоризация ..... 211

**2. Ментальность (философский аспект)**

§ 22. Менталитет и ментальность ..... 220
§ 23. Распределение менталитетов ..... 232
§ 24. Преобразования ментальности ..... 240
§ 25. Единица ментальности: семантический треугольник ..... 245
§ 26. Преобразования семантического треугольника ..... 257
§ 27. Мышление: сознание — познание — знание ..... 264
§ 28. Суждения о мышлении ..... 272
§ 29. Концептуальное поле мышления ..... 281
§ 30. Общие основания научного мышления ..... 286

§ 31. Русское мышление ..... 294
§ 32. Единица ментальности: *концептуальный квадрат* ..... 298
§ 33. Проблема терминологии ..... 321
§ 34. Сопоставления и аналогии ..... 332
§ 35. Психо-логический круг ..... 350
§ 36. Денотат в развитии ..... 362
§ 37. Устойчивость десигната ..... 365
§ 38. Содержательные формы концепта: *образ* и *понятие* ..... 371
§ 39. Содержательные формы концепта: *понятие* и *образ* ..... 381
§ 40. Содержательные формы концепта: *символ* ..... 391
§ 41. Концепт концепта ..... 399
§ 42. Рефлексия ..... 409
§ 43. Образное расширение ..... 413
§ 44. Система соответствий ..... 415

### 3. Концепт (прагматический аспект)

§ 45. Открытие концепта ..... 423
§ 46. Концепт и концептум ..... 427
§ 47. Этапы выявления концептума ..... 446
§ 48. Формы проявления концептума ..... 448
§ 49. Внутренняя форма как первообраз ..... 451
§ 50. Иерархия концептов ..... 457
§ 51. Оформление содержательных форм в слове ..... 463
§ 52. Переход содержательных форм: *образное понятие* ..... 470
§ 53. Концептуальные толкования ..... 479

### 4. Смысл (семантический аспект в отношении к слову)

§ 54. Значение и смысл ..... 485
§ 55. Смысл в значении ..... 502
§ 56. «Смысл оформляется» — «форма осмысляется» ..... 507
§ 57. Построение понятия: *образное понятие* ..... 510
§ 58. Построение понятия: *предикация* ..... 522
§ 59. Построение понятия: *идентификация* ..... 532
§ 60. Формирование концептуального содержания ..... 537
§ 61. Синкретизм и многозначность ..... 548
§ 62. Семантическое значение и тропы ..... 555
§ 63. Тропеическое значение ..... 569

§ 64. Образ и подобие ..... 593
§ 65. Основные типы значений ..... 609

### *5.* Семантика и прагматика (практический аспект)

§ 66. Точки зрения ..... 625
§ 67. Историческая последовательность ..... 627
§ 68. Единицы представления ..... 633
§ 69. Концепт — понятие — слово ..... 638
§ 70. «Концепт и слово» ..... 646
§ 71. Структурная характеристика концептов ..... 650
§ 72. Семантическая и ментальная парадигмы ..... 654
§ 73. Словарь ..... 667
§ 74. Преобразования ..... 672

### 6. Предмет, объект и метод (методический аспект)

§ 75. Определения ..... 676
§ 76. Внелингвистические направления ..... 680
§ 77. Культуремы ..... 683
§ 78. Лингвистические аспекты ..... 686
§ 79. Контенсивная лингвистика ..... 690
§ 80. Когнитивная лингвистика ..... 697
§ 81. Концептология ..... 702
§ 82. Результаты ..... 707
§ 83. Три «волны» в развитии западной когнитивистики ..... 710
§ 84. Алгоритм представления концепта ..... 721
§ 85. Варианты алгоритмов ..... 729
§ 86. Заключение: теоретические положения концептологии ..... 737

Литература ..... 741
Указатель терминов ..... 745
Именной указатель ..... 769

# 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ

> Систематический характер знания приводит в современном познании не к картине мира, а к проблеме системы наук... для нее характерно, что она всегда остается проблемой и что ни один научный метод, ни один вид знания не должен быть в ней упущен.
>
> *Карл Ясперс*

## § 1. Понятие концептологии

**Концептология** — когнитивное учение о концептах, представляющих собою *сущности* общенародного подсознательного, выраженного вербально, в словах и грамматических формах родного языка.

Сразу же заметим, что во всех случаях мы говорим именно о *языке* как воплощении мысли, а не о *речи* в коммуникативном ее аспекте. Помимо всего прочего, различие между языком и речью имеет моральное оправдание; немецкий культуролог Освальд Шпенглер справедливо заметил, что «ложь явилась на свет с отделением языка от речи». Язык не лжет, это способность речи и особенность *речей*. «Ибо функция языка не информировать, а вызывать представления... Речь является даром языка, а язык вовсе не есть нечто нематериальное» (Ж. Лакан). Важность языка на фоне речи подчеркивал А.А. Потебня:

> «Язык есть потому же условие прогресса народов, почему он орган мысли отдельного лица... Язык есть средство понимать самого себя... Язык можно сравнить со зрением ...лишь при помощи языка созданы грамматические категории и параллельные им общие разряды философской мысли»[1]. В Сред-

[1] Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. М.: Правда, 1989. С. 17–200.

ние века, наоборот, «речь... изначально не вещь, а субстанция, то есть предельная сущность, исходящая от Бога... Но речь — это процесс...»[2]

Замечено, что Августин в V в. переводил слово λόγος как ratio и verbum, «что связывают с *иным* значением языка, на что, кстати, обращали внимание сами схоласты» — язык уже важнее речи. «Единство этоса и логоса» — задача, «решаемая через идею концепта» на основе «осмысления проблемы общего (универсалий) от Аристотеля, Порфирия, Боэция до XI в. и далее. Трудность эта зафиксирована и в наши дни, ибо словари упорно путают концепт с понятием»[3]. В XII в. в понимании Абеляра речь предстает уже как действие тропов, обслуживающих мысль.

Итак, язык направлен сущностными механизмами сознания и оформляет ментальность; с ними нам и предстоит познакомиться.

«Спор об универсалиях не закончен, его нельзя счесть делом далекого прошлого, которое мы благополучно переросли»[4]. Но возвращение к *всеобщим понятиям неизбежно ставит вопрос о сущем и его сути*. В конечном счете, речь идет о центральной проблеме когнитивистики — о *знании* первоисточника.

*Сущности* даны в *существовании существенных* связей и отношений *сути* вещей, идей и словесных масс. Синкретичная форма *суть* — и глагол, и имя существительное — воплощает в себе существование множественности вещей в единстве идеи (*они суть, истинная суть*). Метафизическое содержание сути и сущего мы проясним впоследствии — это станет предметом нашего изложения. В конце концов, «человек имеет сущность, заключающуюся в открытии сущностей»[5], номиналист Б. Рассел считал понятие *сущности* вводящим в заблуждение

[2] Неретина С.С. Слово и текст в средневековой культуре: Концептуализм Абеляра. М.: Гнозис, 1994. С. 129.

[3] Там же.

[4] Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. С. 68.

[5] Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1997. С. 280.

и запутывающим все рассуждения. Для него важнее внешние формы явлений и событий, а не идеальные сущности и факты. Ю.С. Степанов присоединял факт к числу конечных категорий Аристотеля под номером 11, после *действия* и *претерпевания*. С ним согласна и Н.Д. Арутюнова: «...факты не существуют безотносительно к суждениям... В этом смысле суждение задает факт, а не факт — суждение»[6].

**Историческая справка**

«Способ бытия — основная проблема онтологии... Основной вопрос онтологии — понятие о *сущем,* — полагал Н. Гартман, — *сущее предстает как сущность* (essentia)... *Бытие* и *сущее* не одно и то же, хотя древние их не различали». В сознании «на месте сущего всегда будет обнаруживаться понятие» как самое актуальное воплощение сущего, которое также имеет свои принципы (категории бытия)[7].

**Примечание**

Термин «онтология» известен в России с XVIII в. благодаря переводам сочинений Христиана Вольфа, последователя Лейбница («последнего платоника Европы»). Это было исключительное явление для европейской мысли, которая в течение веков занималась преимущественно гносеологией (теорией познания), а к известной с античных времен онтологии вернулась только в начале XIX в.; русская же философия развивалась в русле онтологии. Расхождение можно объяснить несовпадением научных программ (см. § 7): западный номинализм тяготел к познанию, русский реализм — к сознанию.

Сущее вообще проявляется в языковых формах: «Язык идет вперед с развитием сознания мира. Но в своих формах он держится собственных корней. Человек... грамматически *канонизирует* противоположность существительного и прилагательного и в качестве *разделения бытийственных моментов* вносит его в *развитое* сознание мира, *которому она уже не адекватна»*[8]. Потому что феномен (явление) вообще не адекватен сущ-

[6] Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. С. 155.

[7] Гартман Н. К основоположению онтологии. С. 147 и сл.

[8] Там же.

ности: «...нам доступны только явления (в греч. феномены) вещей, но не сами вещи»[9] (φαινόμενον ‘являющееся’). Сущность постигается последовательным перебором «присущих-прилагательных» с выстраиванием предикативного ряда. «Словоупотребление вообще определено субстанциальным взглядом на вещи»[10], Мир овеществляется в имени существительном; последнее — удачный термин, одновременно указывающий на сущность и существование (как и *прилагательное — присущее* качество или свойство). Об этом Н. Гартман говорит так: «...сама existentia есть также essentia, а сама essentia есть также existentia»[11]. В существовании содержится сущность, сущность присутствует в существовании. В результате совпадение и взаимозамена экзистенции и эссенции «является непрерывно *сдвигающимся тождеством*..., но все-таки остается нечто, что не растворяется в сдвигающемся тождестве»[12], и это нечто представляет собою сущностный предмет концептологии (см. § 18), в нашем понимании это «зерно» первосмысла.

Последовательность выделенных курсивом однокоренных слов указывает на их *коренное* родство, но концептуальное содержание их различается. Они представляют собой различные проявления одного и того же «первосмысла», заключенного в корне, но в различном сгущении смысла. Исходная форма *суть* и производная *сущность* сто лет назад воспринимались как синонимы, сегодня они различаются, поскольку образования с суффиксом *-ост-(ь)*, выражающие самое абстрактное на сегодняшний день понятие, настолько распространились, что исходный синкретизм *сути*, в котором переплетены образно-символические коннотации (созначения), уже исключает представление о синонимичности. *Сущность сути* является конечной точкой в развитии понятий о данном концепте. *Суть* — основное и главное в деле («по сути дела»), факте

[9] Гусев Д.А. Курс лекций по философии. М.: Директ-Медиа, 2014. С. 114.
[10] Гартман Н. К основоположению онтологии. С. 300–301.
[11] Там же. С. 308.
[12] Там же. С. 307.

(«суть вопроса») или событии («дойти до сути», «суть важно»), осознаваемые как основа сказуемости. *Суть* многогранна и действенна. *Сущность* же — застывшее однозначное образование, которое выражает *внутреннее содержание* предмета или лица (*существа*) в единстве и законченной цельности всех признаков *сущего*. Формула Парменида *сущее есть* известна давно, а «язык Парменида — это само мышление» в его чистом виде (М. Хайдеггер). Однако все «становятся в тупик, спрашивая, что есть *сущее*, т.е. что есть *бытие*»[13], — как заметил еще Аристотель в своей «Метафизике». *Сущее* составляет корень у всех производных знаков, потому что «сущее, когда оно есть, необходимо есть»[14].

«Сущее — вещь — то, что может быть ясно понимаемо»[15]. Ю.С. Степанов предлагает переводить *сущее* словом *сущность* — «первая сущность». По мнению А.Ф. Лосева, «апофатика [утверждение в отрицании. — *В.К.*] предполагает символическую концепцию сущности»[16], поскольку известна *невыразимость* сущности в слове. Ср. противоположное понимание *сущности* у Ю.С. Степанова: «Имя связано не только с вещью, но и с ее сущностью»[17]. Сущность здесь — существенность, а не вещь. Возможно, противоречие возникло из-за смешения идеологических оснований перевода: в православной традиции *сущность* скорее *идея* (*внутренняя сущность*), тогда как латинский перевод дал значения ‘субстанция’ и ‘бытие’. Толкуя диалог Платона «Теэтет», русский философ В.В. Бибихин заметил: «Раньше всякого имени и всякого знания остается *сущее* и *ничто*»[18]. Филолог И.П. Смирнов внес дополнение: «Сущее привлекает к себе внимание, когда отсутствует. О бы-

[13] Аристотель. Метафизика, VII, 1, 1028b, 4.

[14] Аристотель. Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 36.

[15] Цит. по: Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. С. 96.

[16] Лосев А. Ф. Философия имени. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 151–152.

[17] Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. С. 101.

[18] Бибихин В.В. Язык философии. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 16.

тии думает тот, у кого нет бытия. Назовем вещи своими именами: интерес к онтологии проявляет *Никто*»[19].

Итак, на сцену выходят новые действующие лица — *существо* и *сущее*. Последнее теперь является философским синонимом понятия *сущность*, которое возникло в русском языке на самом излете XVIII в. «*Сущность* рождается тогда, когда творческий акт сам себя извлекает из своих творений, из ритма своего внутреннего *существования*, которые стали доступны наблюдению»[20], — прекрасные слова, отражающие момент перехода от образного к понятийному мышлению. Подобным ветвлением смыслов отличаются все отвлеченные имена русского языка, представляя собой остатки когда-то состоявшихся попыток сознания проникнуть в самые тонкие пределы смысла. Изложенные точки зрения на *сущее* и *сущность* показывают, насколько сложны проблемы, стоящие перед когнитивистикой. Логическое и лингвистическое сплелись взаимной связью.

**Историческая справка**

Термин *концепт* восходит к латинскому conceptus в значениях ‘зачатие’, ‘плод’, позднее переносно ‘понятие’ от глаголов concipio ‘собирать’, ‘соображать’, ‘зачать’ и concepto ‘замышлять’, ‘зачинать, беременеть’ при наличии и других производных: conceptio ‘сумма, система’, ‘формулировка’, ‘зачатие’ и conceptum ‘зародыш, зерно’. Во всех случаях речь идет о рождении чего-то нового на основе совместного действия (приставка con- равна русской приставке *с-* в значении совместности), предварительно замышленного и получившего воплощение *в «зерне» первосмысла.* В значении ‘концепция’ первым предложил этот термин русский философ С.А. Аскольдов (Алексеев)[21] в 1928 г. (см. § 70). Академик Д.С. Лихачев, вспоминая его как своего учителя, распространил термин на чисто литературоведческую проблему, заявив о *концептосфере* наряду

[19] Смирнов И. Бытие и творчество. СПб.: Ин-т рус. литер. РАН, 1996. С. 44.

[20] Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Медиум, 1995. С. 341.

[21] Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово // Русская речь: новая серия. Л., 1928. Вып. 2. С. 28–44.

с *биосферой*. У зарубежных ученых имеется термин «концептуализация»; по-видимому, это замена термина «мышление» (понятийное явление мысли), ср. у американского философа У. Куайна: «Концептуализация на любом значимом уровне неотделима от языка»[22], а «настоящие воспоминания являются по большей части следами не прошлых ощущений, а прошлых концептуализаций или вербализаций»[23], т.е. выступают как «заметки» в мысли или в слове. Часты оговорки типа «лингвистически, а следовательно, и концептуально», увязывающие язык и мышление.

В нашем изложении мы исходим не из биологических оснований терминов, равно как и не из истории латинских обозначений; для наших целей достаточно двух терминов с латинскими корнями, осмысленных сравнительно поздно: *концепт* и *концептум* (подробнее об этом в § 69), дальнейшие разъяснения помогут понять идею концепта — этому посвящена вся книга.

Концептология является частью универсальной науки *когнитивистики* (от лат. cōgnōsco ‘познаю’), расцветшей в недавнее время; понятая синкретично, она представляет симбиоз языка и логики в их нераздельности, что возвращает нас к исконному смыслу *Логоса* — двуединства языка и мышления, лингвистики и логики. «Проблема образования понятий маркирует точку, в которой происходит самое близкое соприкосновение логики и философии языка, более того, в этой точке они словно сливаются в неразрывное единство <...> где анализ понятий переходит в анализ слов и имен»[24]. В известном смысле «язык никогда не будет тем, что́ мы мыслим, но тем, в чем свершается мысль»[25]. Именно поэтому на каждом этапе исследования происходит «двоение сущего», и на первом плане находится семантическая символика, инвентарь символических

[22] Куайн У. ван Орман. Слово и объект. М.: Праксис; Логос, 2000. С. 18.

[23] Там же. С. 18.

[24] Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1: Язык. С. 217.

[25] Цит. по: Метафизические исследования. Вып. 11–12. СПб.: Алетейя, 1999. С. 164.

ресурсов (Р. Лангаккер), нижним своим краем упирающийся в интуицию. Хотя терминологически это научное направление связано с логическим познанием, но все-таки с познанием средствами языка. «Мир не отображается, а интерпретируется — таков один из важнейших девизов когнитивистики»[26]. Для этого когнитивистика изучает глубинные *категории языка*, напрямую связанные с категориями мышления. «Мысли, т.е. слова, ибо слова-то и суть мысли раскрытые»[27], — полагал П.А. Флоренский. Заметим, когда специалисты по терминологии говорят о *категориях понятий в языке*, они выделяют всего четыре категории: предметы, процессы, свойства и величины. Ясно, что логические категории выявлены на основе грамматических категорий: соответственно, имена существительные, глаголы, имена прилагательные и имена числительные.

На многих примерах Ю.П. Князев показал, что ментальное сопряжение языка и мышления находит свое материальное воплощение в «размывании границ» между лексикой и грамматикой на фоне типологических пространств других языков, проявляясь в грамматикализации лексических единиц, отражающей все более формализующиеся сегменты грамматических систем в их нацеленности на усиление в выражении отвлеченности[28]. *Всё относительно*. Идея «размывания границ» набирала силу еще в XIX в. в рамках сравнительно-исторического языкознания и окончательно оформилась после установления различий между языком и речью.

Когнитивистика изучает *концепт в концептосфере*, а концептология — *концептум первосмысла в концепте*. Когнитивистика, как научное направление, шире концептологии, потому что не ограничивается областью языка, а распространяется на всю сферу речемыслительной деятельности, и ненаблюдаемые

[26] Фрумкина Р.М. Когнитивная лингвистика, или «Психолингвистика наоборот» // Язык и речевая деятельность. СПб., 1990. С. 90.

[27] Флоренский П.А. У водоразделов мысли: Черты конкретной метафизики. М.: АСТ, 2009. С. 132.

[28] Князев Ю.П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.

ментальные сущности в конечном пределе — это общечеловеческие универсалии, т.е. *только понятийный* уровень сознания. В этом смысле когнитивистика у́же, чем концептология, которая изучает образно-символический мир сознания. «Концептуализация... живой процесс порождения новых смыслов»[29] в содержательных формах концепта.

В отличие от концептологии, когнитивная лингвистика, в принципе, не нуждается в онтологии, поскольку ее интересует всего лишь «процесс концептуализации» внешнего мира. Все, с чем имеет дело когнитивист, есть мир, *неосознанно созданный мыслью*, это сознанием «проектированный мир». Онтология подменяется эпистемологией (теорией познания). В некоторых случаях когнитивную лингвистику сводят к герменевтической интерпретации[30]. Это очевидное сужение когнитивистики в пользу пассивной грамматики слушающего. В целом основные постулаты когнитивистики сводят к тому, что исследуются *не наблюдаемые* действия, символы и стратегии, а их *ментальные* соответствия в связи с конкретным их реальным содержанием, основанным на влиянии культурной среды, которая формирует человека[31]. Развитие каждого из этих постулатов служит основанием форм отечественной когнитивистики, а именно собственно когнитивистики, концептологии и культурологии.

Древние философы в своих суждениях не разграничивали логику и язык.

Э. Кассирер, не первый и не последний, заметил по поводу Аристотеля, что в форме категорий «тесно соприкасается у него анализ логических и языковых форм»[32]. Так происходит потому, что «слова являются знаками *идей* — причем идеи понима-

[29] Смирнова Е.Е. Смысловое наполнение концептов правда и истина в русском языковом сознании и их языковая объективация в современной русской речи: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2016. С. 41.

[30] Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.

[31] Там же. С. 19.

[32] Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1: Язык. С. 217.

ются либо как объективно необходимые *содержательные* элементы познания, либо как субъективные "представления"»[33], т.е. как понятия и как образы. Кроме всего прочего, «проблема образования понятий маркирует точку, в которой происходит *самое близкое соприкосновение* логики и философии языка, более того, в этой точке они словно *сливаются* в неразрывное единство. Всякий логический анализ *понятия*, как кажется, в конечном итоге ведет к тому пункту, где *анализ понятий переходит в анализ слов и имен*... Совершенно "чистое", существующее *помимо языка мышление не знало бы различия истинности и ложности, возникающего в речи* и благодаря ей»[34]. В таком же смешении языка и мышления С.Н. Булгаков обвинял самого Канта, и не без основания. «Дело в том, что характер применяемой логики легко выявляется исходя из характера языка, на котором ведется рассуждение»[35].

Связь языка и мышления (слова и мысли) давно волнует ученых, и в разное время ее характеризовали по-своему. Выставляли даже термины, объединяющие логическое и лингвистическое в их единстве, например *понятийные категории* (Отто Есперсен, И.И. Мещанинов) или чисто механическое *superlinguistic* (Б. Уорф). В других случаях в этом единстве выделяли доминирующую силу — либо язык (В. Гумбольдт, А.А. Потебня — философские реалисты), либо мысль (Н. Хомский, вообще все концептуалисты по философскому мировоззрению). Доходило до уклончивых утверждений о том, что в основе описанной слитности «речемысли» (термин А.А. Потебни) лежит врожденная языковая способность, выступающая в роли основного «компонента структуры мысли», общечеловеческой по существу (хомскианцы). Такова крайняя точка зрения рационалистов. Заслуга Н. Хомского состоит в том, что он отважно погрузился в проблемы глубинного язы-

[33] Там же. С. 77.

[34] Там же. С. 217.

[35] Налимов В.В. Искушение Святой Руси. На грани третьего тысячелетия. М.: Водолей, 2002. С. 101.

ка и поверхностных структур речи и заявил, что «мы должны ценить идеи и проницательные наблюдения, которые прямо относятся к нашей теме»[36], а «наиболее обнадеживающим подходом сегодня является путь описания явлений языка и умственной деятельности как можно более строгим образом, путь попыток создания абстрактного теоретического аппарата, который, насколько возможно, объяснит эти явления и выявит принципы их организации и функционирования»[37]. Слабость позиции ученого состоит в том, что он ограничился *формальным* анализом ментальных действий сознания в формах языка.

«Слово есть мысль», — сказал А.А. Потебня. Он же добавил: «Язык выражает наше внутреннее состояние так, как будто оно было извне, то есть язык *объективирует* нашу мысль; *язык есть проекция нашей мысли*, изображающая наши мысли, как будто они не в нас явились». Иными словами, мысль субъективно психологична, тогда как язык объективно логичен. Происходит «взаимная каузация мышления и языка»; одна из задач лингвиста заключается в расмотрении с очень близкого расстояния и с помощью глубоких размышлений того, как образованы языковые *сущности*, которые в сформировавшихся и привычных для нас языках приняли форму слов» именно потому, что «язык овеществляет ментальное», ибо «язык осуществляет знание не о действительном, а о ментальном мире»[38].

Современные философы согласны в том, что «союз мысли и слова достоин того, чтобы о нем думать... Мысль и слово — одно, как греческий Логос... Начало слова и мысли в событии, которого требует весть. <...> Логос означает также *отношение*»[39]. «Мысль — это слово», — выразил такое единство Пла-

[36] Цит. по: Дрейфус Х. Чего не могут вычислительные машины. М.: Прогресс, 1978. С. 197.

[37] Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 25.

[38] Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М.: Прогресс, 1992. С. 147, 21, 71.

[39] Бибихин В.В. Язык философии. С. 44, 84, 166.

тон, пока еще в самом общем виде[40]. «Узрение мысли есть необходимо и рождение слова»[41], — заметил С.Н. Булгаков.

**Историческая справка**

Русские философы понимали, что язык и мысль представляют собой две стороны одного листа Природы: «Язык — этот реальный разум...»[42] — полагал В.С. Соловьев. Такова позиция реалиста. Классики марксизма высказались об этом так: «Язык так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности»[43]. Таково суждение номиналиста, исходящего из прагматической функции языка в виде речи. Ср. с этим представление физика Н. Бора, который мыслит образно: «Мы висим в языке. Мы подвешены в языке таким образом, что не можем сказать, что верх, а что — низ»[44].

Известно, что в момент исторического расхождения Логоса (символически представлен в семантическом треугольнике) на ratio и λόγος, на мысль и слово Кирилл и Мефодий предпочли Логос как Слово, введя большинство славян в систему православного христианства. Впоследствии этот выбор направил славян в сторону неоплатонического реализма (с начала XV в.), что стало глубоким основанием славянской культуры в целом. Именно с тех времен не прекращаются споры о соотношении языка и мысли, совместно обеспечивающих постижение вещи, а также резкое противопоставление западноевропейскому номинализму с его всепобеждающим Рацио. «За словом *логика* кроется преобразование логики в вопрос о *сущности* языка... логика становится диалектикой»[45]. Гуманитарное знание рас-

[40] См.: Там же. С. 7.

[41] Булгаков С.Н. Философия имени. М.: Наука, 1998. С. 168.

[42] Соловьев В.С. Оправдание добра. Нравственная философия. Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1988. С. 284.

[43] Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: В 50 т. 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1955–1981. Т. 3. 1955. С. 29.

[44] Petersen A. The Philosophy of Niels Bohr // Niels Bohr. A centenary volume / Ed. by A. P. French, P. J. Kennedy. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 27.

[45] Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Академический проект, 2007. С. 170.

кололось на логику и лингвистику, хотя и там и там содержатся понятия «слово», «язык». Проработанные за века самостоятельного развития, эти науки накопили так много положительных знаний, что теперь вполне могли сойтись в общем постижении истины в ее сущности. Они и сошлись в ментальной лингвистике, где предметом рассмотрения стала *речемысль*. Сущность современного состояния науки состоит в синтезе научного знания, отсюда естественное движение логики-мысли и слова-языка к совместному решению общих проблем. Когнитивная лингвистика и стала таким средостением между некогда разошедшимися направлениями гуманитарного знания.

Русские реалисты, поклонники Логоса, с самого начала признавали слитность «речемысли»; например, С.Н. Булгаков в своей книге «Философия имени» понимал Логос как понятие философское (слово-мысль) и лингвистическое (слово-речь), и одного без другого нет, а слово — первоэлемент мысли и речи. От соединения слова-мысли и слова-речи («они сами себя говорят») рождается слово-идея, которую в современных терминах можно представить как концепт. Одно несомненно: Ю.С. Степанов говорил о том, что исторически «диалектическое изложение логики может быть прочитано как некоторая с и с т е м а п о р о ж д е н и я логических и в определенной степени лингвистических категорий [в знаках]... Знаковая система есть система, передающая информацию, отличную от энергии [и существует объективно, хотя] свойство быть знаковой системой в некоторой степени зависит от позиции наблюдателя»[46].

Употребление слов *в определенной степени, в некоторой степени* свидетельствует об академической осторожности автора, но главное сказано: в знаковой системе языка содержится система порождения логических и лингвистических категорий в их совместном диалектическом движении, в качестве информации, представленной в действительности. Однако выявление таких систем зависит от позиции наблюдателя, который и воссоздает их доступными ему средствами.

[46] Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 127.

Современное научное знание выделяет следующие векторы когнитивистики:

• *антропоцентрический* вектор (Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев и др.), главный компонент — *образ*, воплощающий личное чувство;

• *культурологический* вектор (Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев и др.), главный компонент — *символ*;

• метанаучный, или *философский,* вектор (А.В. Кравченко, Г.Г. Ляпин и др.), главный компонент — *понятие*.

Своеобразным синтезом всех трех выступает *концептология*, для которой все три компонента концепта имеют значение и обладают своей ценностью. Обоснованию этого и посвящена предлагаемая книга.

## § 2. Реальность концепта

*Ономасиология* (от греч. ὄνομα ‘имя’) в познании идет от смысла к форме — к знаку и ищет ответа на вопрос: Как назвать эту вещь? («познание есть именование»[47]). По сути, это философский подход к языку, который стал возможен только при развитии логического мышления в XVIII в. В своем синтезе этот подход объединяет логику и лингвистику и признаёт, что *смысл оформляется.* Это объединение логики и языка и дало основание когнитивистике как науке. В отличие от ономасиологии, *семасиология* (от греч. σημασια ‘обозначение’) предполагает познание от формы к смыслу (*форма осмысляется*), это формальная лингвистика, которая ставит вопрос: Что значит это слово? По традиции, семасиология именуется историческим подходом к языку, в границах семасиологии возник и первый научный метод — сравнительно-исторический. Начало семасиологии восходит к античным временам, семасиология

[47] Булгаков С.Н. Философия имени.

развивалась в Средние века, когда занимались истолкованием священных текстов.

**Историческая справка**

Противопоставление научных школ заложено в исходных идеях их основателей. Принцип действий «от формы к значению» (форма осмысляется) представлен у Ф.Ф. Фортунатова и А.М. Пешковского, а «от значения к форме» (смысл оформляется) в учении И.А. Бодуэна де Куртенэ о «языковом мышлении», у А.В. Бондарко, когда он говорит о «речевом смысле», и воплощено в психологическом учении А.А. Шахматова. С одной стороны, поклонение форме и особый интерес к *синтаксическим* моделям, с другой — к смыслу при особом интересе к *лексике*. Попутно возникали некоторые следствия, в частности: поскольку смысл развивается, то петербуржцы рассматривают язык в *динамике* и не чужды исторического языкознания. Поскольку форма устойчива, то московские лингвисты предпочитают изучать синхронные *системы*. Именно на основе петербургской школы Л.В. Щерба говорил о *концептах*, а И.И. Мещанинов — о *понятийных категориях*. Несводимость понятий «система» и «развитие» в то время объяснялось противопоставленностью двух школ; обе усматривают в термине «развитие системы» оксюморон.

В основе ономасиологии лежит речевая деятельность говорящего: «Мысли говорящего и понимающего сходятся между собою только в слове»[48]; «И мы уверены: *слово есть сам говорящий*»[49]. Напротив, семасиология опирается на исследование текстов; это грамматика слушающего, что как раз соответствует идеологии Средневековья, когда правом говорить владели немногие, а все остальные были обязаны слушать Бога, князя, владыку. Русское «слово» указывает на эту традицию. Мысль дана в высказывании, где воссоздается по своеобразным логическим законам. «Средневековье говорит о другом мире» и другим языком; вообще «логика Средневе-

[48] Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. С. 140.

[49] Флоренский П. Имеславие как философская предпосылка. URL: http://amkob113.ru/flor/flr-2.html.

ковья была своеобразным юродством, втискиванием мысли в рамки силлогизмов тогда, когда мысль была готова забыться в экстазе»[50].

Ономасиология сближается с некоторыми моментами семасиологии, поскольку изучается слово, которое имеет значение. В отличие от семасиологии, ономасиология изучает не формы языка, а именно *категории* языка, т.е. такие же «сгустки» смысла, какие представляют и сами концепты. Предпочтение того или иного подхода определяет гносеологическую позицию исследователя (см. § 7).

Концепты представляют собой опорную сеть коренных понятий национальной культуры, существующую вне времени и пространства; они даны как помысленные сущности параллельно с вещным миром; они познаются интуитивно и всеми носителями данной культуры воспринимаются одинаково, но с разной силой, энергией и отдачей.

Определений понятия «концепт» существует множество. В качестве предварительного примера ознакомимся с определением, данным лингвистом М.В. Пименовой: «С лингвистической точки зрения концепт по своей сути является инвариантом означаемого, единицей эмического (абстрактного) уровня... которая на этическом (конкретном) уровне материально реализуется в лексических значениях, сигнификатах — интенсионалах и экстенсионалах, внутренних формах слов — способах представления внеязыкового содержания»[51]. Для *лингвиста* «внеязыковое содержание» является чисто внешним, не включенным в систему концептологии. Вдобавок речь идет только об «означаемом», хотя и «абстрактного уровня». Определение напрямую соотносится с лексическим значением слова, хотя речь заходит и о «зерне первосмысла — концептума» (приближенно — о внутренней форме). Некоторая нечеткость определения объясняется желанием автора угодить многим уже высказан-

[50] Бибихин В.В. Язык философии. С. 317.

[51] Пименова М.В. К вопросу о лингвистическом понимании концепта и методах его изучения. ULR: http://www.ejournals.eu/pliki/art/6681/.

ным точкам зрения на концепт, сочтя его «способом представления вещей». Ср. с западным пониманием концепта, выраженным Дж. Лакоффом: «Концепты являются внутренними репрезентациями внешней реальности... Каждый концепт воплощен в символах языка»[52]. По этому суждению концепт есть ментальное образование, в абстрактной форме представленное в знаках языка. Нет органической связи между мыслью и языком, такая связь вторична.

Впоследствии мы будем неоднократно возвращаться к этому понятию, уточняя его определения. Такова основная задача книги.

**Этимологическая справка**

Свое значение имеет и терминология, основанная на том или ином языке.

Сущность концептологии в зарубежной когнитологии можно наглядно показать на примере принятой западной наукой терминологии. В английском слове concept ‘понятие, общее представление (образ), идея, концепция’ соединены все значения латинского корня concept. Такова особенность литературных языков, они устремлены к созданию логических гиперонимов, и в соответствии со структурой английского языка в нем исчезли латинские окончания имен. Вот почему добросовестные переводчики, встретив слово concept, вынуждены «исходить из контекста», чтобы передать эквивалент русского понятия: здесь и далее английский термин concept переводится и словом *концепт*, и словом *понятие*. При чтении без опоры на оригинал возникают трудности в *понимании текста*, а это основное требование американских когнитивистов. Только в специальных случаях возможно употребление замен типа idea ‘мысль, идея, представление’ или столь же многозначным notion ‘представление, понятие’, ‘мнение, убеждение’, ‘категория, разум’ и т.п. от note ‘отметка, заметка’, т.е. ‘внешний знак’. То же во французском языке, в котором concept ‘понятие’, ‘концепция’ при conception ‘понимание, познавание’, ‘замысел, концепция’. В современном немецком языке das Konzept всего

[52] Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 412, 441.

лишь ‘черновой набросок, конспект’. И это при всем том, что, по словам Дж. Лакоффа, «точный *перевод* требует близких соответствий в концептуальных системах в целом», однако это не обязательно, поскольку «для *понимания* необходимо только *соответствие* в структурированном опыте и общая концептуализирующая способность»[53]. Иными словами, достаточно *приписывания* своего личного *понимания* прочитанному тексту. Личное понимание, а не *познание* объекта с его «ингерентными признаками»[54] — такова цель этого подхода к когнитивистике (может быть, потому, что в английском языке значения ‘познание’ и ‘понимание’ возможны у одного и того же слова). К тому же метафоры показаны на основе не реальных, внутренне присущих (ингерентных) признаков, а на тех, которые только *кажутся* наблюдателю в его опыте или действии. Лакофф вступает в противоречие с максимой Л. Витгенштейна: «Из того, что мне — или всем — *кажется*, что это так, не следует, что это так и *есть*»[55].

Вообще известная негибкость английского языка помогает пишущим на нем авторам добиться результатов, граничащих с мудростью символа. Тот же Лакофф истину сводит к личной правде, саму истину определяет понятием, а «термин causation переводится [sic! — *В.К.*] в зависимости от контекста как ‘причинность’, ‘причинная связь’ или ‘каузация’»[56].

Разумеется, для русского читателя эта позиция неприемлема, он требует однозначности и четкости в использовании научной терминологии, поскольку часто именно в ней и содержится основной смысл текста. Кроме того, и определений терминов существует множество; Х. Уолпол приводил 25 типов дефиниций, которые возможны на практике, начиная с простейшего this is it дословно ‘это есть оно...’ с указанием пальцем до сложнейшего «нечто закономерно связано с тем, что...».

---

[53] Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. С. 405.

[54] Там же. С. 169.

[55] Цит. по: Коробов А. Абсолютность относительного: Философия субъективного, или Всеобщая теория относительности. Тарту: АО «Компу», 1994. С. 8.

[56] Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 104.

В отличие от других направлений научной *когнитивистики,* концептология отличается тремя базовыми чертами:

• она ономасиологична, это речь говорящего, а не слушающего;

• она «лингвальна», т.е. подается со стороны речевой деятельности, а не логических суждений;

• она исторична и отчасти философична, ибо рассматривает концепты как *общий смысл в развитии*, в семантическом преобразовании категорий языка совместно и наряду с категориями мышления.

Подобно тому как *норма* в своем действии в конце концов *замирает* в неизменном *стандарте*, и *система* (языка, значений и т.д.), идеальная сущность нормы, сходится в точку *концептума* — той абстрактной и виртуальной единицы, которая направляет движение человеческой речи и мысли, но сама неподвижна в вечности. *Зерно* концепта — *концептум* — полное отсутствие субстанции-материи, и концепт создается на пересечении множества линий сознания, образующих мерцающую сеть *отношений* (см. § 58, 59). Следовательно, это «зерно» постигается *интуитивно* относительно всех других составов концепта и на их фоне (см. § 32).

Необходимо отличать концептологию от смежных областей научного знания. От *лексикологии* она отличается тем, что словесные знаки воплощают самое поверхностное значение концепта; от *семантики* — тем, что сами словесные значения, будучи только внешней формой воплощения концептов, не составляют основного предмета концептологии; от *семиотики* — тем, что охватывается одними только пределами словесных знаков, не распространяясь на другие типы знаков. Концептология больше других направлений связана с ментальными характеристиками *сознания*, из них исходит и ими направляется. Концептология состоит из нескольких уровней осмысления природных и искусственных знаков бытия. Облекаясь в словесные формы лексики и проникаясь смыслом семантических единиц, концепты погружаются в глубины семиотики и служат

уяснению собственной сущности как источника всех трех дисциплин, актуализирующих исходный первосмысл в познании и знании, лежащих на твердой почве сознания в следующем соотношении:

| | |
|---|---|
| Семантика | Лексикология |
| Семиотика | Концептология |

Рис. 1. Соотношение семантических полюсов сознания

## § 3. Термины и определения

Рассмотрим научный аппарат исследования, выработанный за века развития человеческой любознательности. В изложении материала соединены интуиция и опытное знание, отложившиеся в границах научных понятий, — новый разворот семантического треугольника.

Дополним основные понятия концептологии несколькими существенными положениями косвенного характера. По существу, такие понятия относятся не только к концептологии и — шире — к когнитивистике, но, поскольку мы будем пользоваться этими понятиями, имеет смысл выразить свое отношение к ним. Таких понятий много в методическом плане. Например, мы будем говорить об аналитических и синтетических суждениях, о противопоставлении индуктивных методов исследования дедуктивным и т.д., но эти операционные понятия удобнее рассматривать по ходу дела.

*Изменение* осуществляет внешние формы преобразования, это «удвоение форм» (вообще увеличение), *развитие* предполагает движение смысла от исходной точки путем накопления все новых качеств и свойств — «удвоение смыслов»), иными словами, *развитие есть процесс самоорганизации.* «Только